

Дедушка Валериан Михайлович

В.М. Никольский

"Бабушек у тебя много, а вот дедушка — один!" — говаривали мне домочадцы в детстве. Да, у меня было целых три бабушки. Своей родной бабушкой я считаю и сестру матери отца Степаниду Игнатьевну Кириченко, которая нянчила меня и обихаживала лет до одиннадцати. И родным считаю деда, Валериана Михайловича Никольского. Вообще-то, он был отчим моей мамы. С первым мужем Борисом Константиновичем Новиковым, потомственным военным из дворянского сословия, моя бабушка, Соковикова Вероника Васильевна, разошлась в начале двадцатых годов прошлого века. По ее рассказам, первый муж был человек отчаянной храбрости, лихо вел себя на переднем

крае под пулями, но к жизни обыденной, тем более совершенно изменившейся в 1917 году, когда в офицерских семьях исчезли денщики и няньки, приспособиться не смог, даже проявлял беспомощность. Поддавшись уговорам бабушки, он пошел служить к красным, получил тяжелое ранение под Перекопом и был комиссован. Бабушка, по-видимому, его никогда не любила, а выскочила замуж в 18 лет из-за больших материальных затруднений в семье. А вот Валериан Михайлович сумел бабушку увлечь. Да и сам ею увлекся. В то нелегкое время начала 20-х годов 20-го века он, вопреки здравому смыслу, женился на женщине, у которой на руках было трое детей мал мала меньше.

Познакомились они в Курске. До революции дедушка преподавал в гимназии. Революция его куда-то там выдвинула, хотя никакого участия он в ней не принимал и всегда держался подальше от политики. Из Курска дедушку перевели в Москву на повышение, инспектором народного образования. Дали его семье особняк в Пушкино, вероятно, чью-то бывшую недвижимость. Вспоминал он о работе в Москве мало. Рассказывал, что

* Автор воспоминаний — капитан дальнего плавания А.С. Крайний.

по долгу службы приходилось ему общаться с Луначарским, Дзержинским — знаменитыми большевиками, личностями в те времена известными, в честь которых не без их согласия переименовывались улицы городов, назывались селения, школы, заводы, но имена которых подрастающему поколению ничего не говорят.

Зато он с восторгом рассказывал, какие были вокруг богатые леса, какая природа, как собирали землянику и бруснику, как много малины росло у дома. Но из-за аллергии бабушки к сосновым ароматам он попросил перевести его в другое место. И уехал с семьей на должность преподавателя русского языка и литературы в одесский мортехникум.

Он был абсолютно чужд карьеризму. Это был 1926 год. Нэп в самом разгаре. А в Одессе по сравнению с Москвой — изобилие. Дедушка часто вспоминал, как мальчишки-разносчики кричали на улицах в то время: "Капейка — дыня, капейка — дыня!". Выходец из семьи сельского учителя Новгородской губернии, он не имел материальной возможности заниматься в гимназии или реальном училище, а вынужден был оканчивать духовную семинарию, где малоимущие могли получить бесплатное среднее образование, дававшее право поступления в высшие учебные заведения. Вот дедушка этим правом и воспользовался. Получив среднее образование, он, вероятно, параллельно получил атеистическое, так как до последних минут оставался атеистом. Не воинствующим, типа Емельяна Ярославского, а просто человеком, скептически относящимся ко всем религиозным чудесам и обрядам. Но память, как все бывшие семинаристы, имел великолепную и не утратил ее до самого конца.

...Помню, учась в мореходке, мы с друзьями прошли период увлечения философией, в том числе латинскими и греческими изречениями. Дедушке в ту пору было под семьдесят. Я обращался к нему: "Дедушка, а что такое *Panta rei, omnia mutantur?*" Он тут же отвечал: "*Panta rei* — это по-гречески означает "*все течет*", а *omnia mutantur* — по-латыни "*все меняется*".

После семинарии дедушка окончил два института в Санкт-Петербурге: педагогический и археологический. Оба одновременно, и за три года. Я и теперь храню его выпускные аттестаты. Столько предметов — и по всем высокие баллы! Позавидовать можно... Он рассказывал мне, как во время занятий к ним в студенческое общежитие, бывало, прибегал надзиратель со словами: "Господа, господа, постыдитесь, ведь профессор имярек лекцию читает, а в аудитории всего пять человек!..". А господа, может, и рады бы пойти, да вот незадача: одна пара калош на троих. Подрабатывал дедушка на жизнь, как и большинство студентов в то время, репетиторст-

вом. И стоял в театральных очередях, чтобы на сэкономленные деньги купить самый дешевый билет в драму или оперу.

Но несмотря на все материальные тяготы, он так и не примкнул к революции. Упомянул вскользь об участии в каких-то студенческих заварушках... Посмеиваясь, рассказал, как во время демонстрации в Петербурге казачья лошадка сжевала его зимнюю шапку... Когда я стал совсем взрослым, а дедушке уже было много лет, он в некоторых беседах касался своих отношений с партией большевиков. "Валериан Михайлович, вы только заявление в партию напишите, а уж мы все остальное сделаем", — не раз предлагали ему руководители парторганизаций. Он вежливо отказывался, а мне объяснил это так: "Ведь при первой же чистке они сами бы меня и выперли за мою интеллигентность".

Дедушку просили: "Валериан Михайлович, прочитайте лекцию о марксизме-ленинизме". (По моему разумению, в партии большевиков всегда не хватало грамотных людей, а преобладали горлохваты.) "Хорошо, — соглашался он. — Но вы, пожалуйста, пришлите своего знающего инструктора, чтобы тот, если я ошибусь, сразу меня поправил". Зато считаешь его конспекты по литературе — все преподносится с точки зрения марксизма-ленинизма. Я, с тех пор как он ушел из жизни, часто задаю себе вопрос: что его толкало скрупулезно придерживаться предписанной свыше программы? Трусость? Но трусом он никогда не был. Слепое подчинение власти или скрытый монархизм?

Да, Сталина он уважал — не помню ни одного злого слова, сказанного им в адрес диктатора. А ведь даже на его жену, то бишь мою бабушку, пытались завести во время ежовщины дело. Она в то время работала комендантом общежития мортехникума. И вот куратор из НКВД вдруг обнаружил на национальных расписных платках, которыми был задрапирован бюст любимого вождя, какие-то там "фашистские знаки". "Вы комендант, вы должны знать врагов народа", — заявил он. Бабушка не знала. В семье ночами не спали, ждали, что придут забирать. Но пронесло... Когда вождь всех времен и народов помер, заметно было, что дедушка искренне переживал. И произнес тогда чисто мещанскую фразу, которую хорошо помню: "Как теперь жить будем?". Или это сказывается противоречивость тех сложных лет? Ведь чтобы жить и поднимать детей, чем только бабушка и дедушка не занимались в голодные годы помимо основной работы! Клеили бонбоньерки для конфет, кроили платья и т. д.

Казалось бы, умер Сталин, пришел реформатор Хрущев, люди свободнее задыхались, и человек такого ума и с таким уровнем образования дол-

жен приветствовать это. А дедушка Хрущева не любил, считал безграмотным, некультурным, неумным человеком, и иначе как Микитой не называл. Все-таки, видно, крепко в нем держались консервативные гены его деда — сельского священника.

Как-то во времена наступившей хрущевской оттепели я спросил его про Белую армию. Он рассказал случай, как в Курске два молодых офицера-деникинца "освободили" его от карманных часов. И заключил: "Бандиты...".

Вообще, дедушка относился к сдержанным немногословным людям. Казалось бы, его профессия не допускала немногословности. Ведь дедушка всю жизнь преподавал русский язык и литературу. Война бросала нас в Удмуртию, Дагестан, Грузию. Дедушка учительствовал в местных школах. А после возвращения в Одессу, с 1944 года опять работал в Мореходном училище МФ. А может, он за свою жизнь так наговорился в аудиториях, что дома отдыхал? Но даже рюмочка за праздничным столом не очень развязывала ему язык. Мне было лет двенадцать, когда дедушка приболел. Жили мы тогда в Красном переулке, 11. Дом наш много лет не ремонтировался, благо строили до революции на совесть. Но всему есть предел. И вот в комнате, где размещались дедушка, бабушка и младшая сестра матери тетя Женя, начал трещать и провисать потолок. Приходил управдом дядя Боря, смотрел, качал головой, но ремонтировать не торопился. Комната была небольшая, и большая часть кровати, на которой лежал дедушка, располагалась под угрожающим участком. А потолки в старых домах представляли собой некую слойку: к балкам перекрытия прибивались доски, на доски набивалась дранка, на дранку набрасывалась штукатурка, заглаживалась, шпатлевалась, белилась. Вот эти подгнившие доски со всем налепленным и насыпанным на них и рухнули наконец, частично накрыв кровать, на которой лежал дедушка. Однако дедушка своевременно заметил, что потолок стал медленно валиться, и отодвинулся к самой стене. Его зацепило чуть-чуть, благо была зима, и он лежал под ватным одеялом, которое смягчило падение крупных кусков. На грохот сбежалась вся наша коммуналка. Среди охов и ахов один дедушка сохранял олимпийское спокойствие. Прибыл бледный управдом дядя Боря. Поизвинялся, покаялся и быстро организовал ремонт...

В революционные годы дедушка тяжело переболел тифом. История свидетельствует, что в те годы эта болезнь, не разбираясь в цветах, косила всех: красных, белых, зеленых и бесцветных. Дедушка рассказывал, что после болезни облысел, и у него развился тромбофлебит. В 1942-м дедушку вызвали в военкомат, ведь тогда ему было всего пятьдесят с небольшим

лет, но по состоянию здоровья освободили. Голени у него были страшные. И стеснялся он их демонстрировать даже близким. Вероятно поэтому, сколько я помню, не ходил он на море. Хотя, по рассказам мамы, очень любил водить ее на пруд, когда семья жила в Подмоскowie, и сам подолгу не вылезал из воды, хорошо плавал.

Детство его прошло на озере Ильмень и реке Волхов. Скорее всего, по этой причине он к красотам моря оставался почти равнодушным. Но всегда с удовольствием вспоминал рыбалку в тихих речных заводях, на берегах лесного озера. Я, уроженец Одессы, не видел в детстве "живых" грибов, только сушеные. А дедушка так интересно и вкусно рассказывал о походах в лес за грибами, о любимых местах, о том, какие лучше мариновать, солить, сушить...

Близ плотины у реки,
Между двух сосенок,
Там в траве, где мох густой
Вырос гриб опенок...

Но мне невозможно было представить дедушку молодым, подвижным, целыми днями блуждающим по лесу в поисках грибов. Он сохранился в моей памяти дородным, солидным, всегда подтянутым, неторопливо шагающим на работу. На нем неизменный форменный темно-синий морской китель, который в летнее время заменялся белым. Вечером он так же степенно возвращался домой, но заметно было, что ноги его устали... Не помню я дедушку в майке даже на даче. Только в рубашке или совковой пижаме.

У современных авторов, повествующих о Российской империи начала 20 века, иногда можно прочесть о вольности нравов у "прогрессивной молодежи" того времени. Ну, были кабаки, бардаки, проститутки. Был и лейтенант Шмидт, женившийся на падшей женщине из идейных убеждений... Дедушка в те годы был тоже молодым, но, видно, воспитание не позволяло ему быть достаточно "прогрессивным". Мне не приходилось встречать людей более целомудренных, чем он. Как-то, выговаривая мне за мою слабость к гулькам, он резко бросил: "Я за всю свою жизнь знал всего две женщины! Это твоя бабушка и моя первая жена".

Жизнь научила его бережливости, строгому контролю бюджета. Но это не значит, что он копил деньги, покупал на них какие-то дорогие вещи. После бабушки и дедушки не осталось ни одной золотой вещицы, ничего мало-мальски ценного. Да и откуда при советской власти было братья ценным вещам, если всю жизнь прожил честно? Не ловчил, не воровал. Даже подарки от своих моряков-заочников дедушка не принимал.

Любили ли дедушку его ученики? Не знаю. Но что уважали — так это точно. Начав плавать, я встречался со многими его учениками, в том числе с известными капитанами. Был среди них и Ким Голубенко.

До конца пятидесятих годов прошлого века в среднюю мореходку брали после 7-го класса, и курсанты доучивали общеобразовательные предметы вместе со специальными. Не помню, чтобы слышал о дедушке от кого-нибудь хоть что-то негативное. Вот его принципиальность и требовательность помнили все. Родной брат мамы Вячеслав Борисович, учившийся на судомеханическом, не раз дома упрекал дедушку: "Я, может, на пять знаю, а ты мне тройки ставишь!". "Ты мой сын, поэтому русский должен знать лучше остальных", — отвечал дедушка. Выдвигали его не раз на должность завуча, но он, проработав некоторое время, любимыми способами старался вернуться на чистую должность преподавателя...

Дедушка ушел на пенсию в 1957 году. Ему минуло 66 лет. Провожал его коллектив мореходного училища очень хорошо. Вручили ценные подарки, преподнесли красочный адрес, где среди прочего говорилось, что "...за эти годы Вы стали одним из наших любимых преподавателей...". Был и приказ начальства занести его имя в Книгу почета училища, оставить на Доске почета училища и т. д. В наше время это все утратило смысл и сохранилось в воспоминаниях немногих.

Зато у моих близких товарищей, общавшихся с ним, остался след в памяти на всю жизнь. Когда мы были помоложе, они нередко вспоминали: "Вот у тебя был дедушка!". Еще года два после выхода на пенсию он продолжал ездить на приемные экзамены. Потом у него окончательно разболелись ноги.

Ходили мы с ним на базар. Дедушка умел торговаться и проявлял в отстаивании своей цены исключительную твердость. "Хозяин, почем ваши кабачки?" — спрашивал он. "Два, хозяин", — отвечал продавец. "Полтора!" — предлагал дедушка. "Два", — настаивал торговец. Мы с дедушкой уходили. Через некоторое время, проходя снова мимо этого места, слышали: "Хозяин, хозяин, добре, забирайте по полтора". Дедушка, взяв кабачки и рассчитавшись, говорил мне: "Вот, 50 копеек сэкономили, можно будет яблок на них больше взять".

С 1944 по 1958 год мы проживали в Красном переулке. ТЭЦ к нашему старому дому подвели позднее. А зимой квартиры обогревали печки, плиты. Уголек покупали, какой был, для плит его никто не калибровал, в основном, шли крупные куски. Когда я подрос, то стал помогать дедушке разбивать эти куски молотком, чтобы в плиту можно было засунуть, да ко-

лоть дрова на растопку. Это обычно происходило по выходным дням да на каникулах. А на плечах дедушки лежала уйма всякой домашней работы, поскольку бабушка часто болела. После выхода на пенсию он основательно занялся кухней, закрутками, домашним вином, наливками... Как-то я сказал ему, что цены на базаре постепенно растут. Он возразил: "Нет. У меня же записи стоимости закруток за последние три года — то же самое".

Дедушка и бабушка научили меня играть в "66". Ох и дулись мы в карты на даче! Бывало, столько народа собиралось по выходным дням, что не всем места хватало. Кроме стариков и меня была вечно проигрывающая тетя Женя, ее муж дядя Вася, мама, кто-то из приятельниц мамы или моих друзей, частенько наезжали родственники из других городов. Сколько искреннего смеха я слышал в те детские годы! Дедушка редко проигрывал, но мог и юморно схитрить. Через несколько лет, когда я уже оканчивал ОВИМУ, и ушли в прошлое дачные компании, увидел вечером, как дедушка и бабушка вдвоем сели играть в "66". И понял вдруг, как они постарели, и защемило сердце. Почему я тогда не сел с ними поддержать компанию? Как бы они обрадовались!

Несмотря на возраст и больные ноги, дедушкины руки до конца оставались крепкими. Бабушка слегла окончательно, и ему в 79 лет еще хватало сил поднимать ее над кроватью и переукладывать.

После смерти бабушки, с которой он прожил без малого полвека, дедушка потерял интерес к жизни. Умер он спустя год и три месяца. В последний месяц был совсем плох. Спросил жену Вячеслава тетю Валю: "Валя, как я умру? У меня будет отек легких?.." — "Нет, Валериан Михайлович, вы потеряете сознание", — ответила тетя Валя, которая всю жизнь проработала врачом-терапевтом.

И дедушка действительно впал в беспамятство. У его постели собрались трое его детей, тетя Валя и я. Маму, которой в последние дни досталось больше всех, тетю Валю и дядю Славу сморил сон. Был поздняя ночь. Бодрствовали мы с тетей Женей. Сидели на кухне, каждые пять минут возвращаясь к его постели. Я подошел к нему в очередной раз. Все как будто было по-прежнему: лежит без сознания, тяжело дышит. Я вернулся на кухню и буквально через минуту-другую меня словно бросило в озноб. Мы с тетей Женей поспешили в комнату... Дедушка уснул навсегда.

